

Скандинавская литература: произведения, исследования, переводы

C. Вадениё

Размышления
об одном

ЕЛЬЦИН В ПЕРЕВОДЕ.
МЫСЛИ О ШВЕДСКО-РУССКОМ РАДИОИНТЕРВЬЮ

0. Введение

Это было в начале марта 1990 года. Борис Ельцин, ведущий оппозиционный политик в еще существовавшем тогда Советском Союзе, посетил Стокгольм в связи с выходом первой автобиографии «Исповедь на заданную тему». В это время Ельцин в Швеции прославился тем, что обличал коррупцию и те неимоверные привилегии, которыми пользовались избранные члены коммунистической партии. Он завоевал уважение тем, что публично отказался от своих привилегий и тем, что он, в 1989 году ~~был~~ был избран мэром Москвы, благодаря сильной поддержке со стороны избирателей. Настоящая статья не имеет целью дать исчерпывающий ответ на вопрос о том как образ Ельцина, как заслуживающего уважения политического лидера, создавался средствами информации в Швеции, но дает некоторое представления о том, как такой позитивный образ мог создаться и укрепиться даже в ситуациях, которые, в принципе, не способствовали этому.

1. Языковой вопрос

В Швеции образ Ельцина, в силу естественных причин, создавался опосредованно. Большинство шведов знакомились с Ельциным не напрямую, лично, а через телевидение, радио или газеты. Кроме того, и это является исходным пунктом данной статьи, облик Ельцина создавался в процессе перевода с русского на шведский язык.

Языковая сторона новостей редко является основной темой новостей. Если когда-то о переводе идет речь, так только потому, что перевод какого-то слова или выражения был смешным или неправильным. Это не означает однако, что редакторы зарубежных новостей не осознают, какую важную роль играют в этом деле переводчики. Редакции и отдельные журналисты решают языковой вопрос по-разному, но никто не станет спорить ~~с~~, что талант переводчиков и журналистов, их опыт и знание предмета, влияет на качество представления передаваемых из-за рубежа новостей. Вопросу о том, как необходимость перевода влияет на репортажи новостей, не уделялось, однако, должного внимания.

ния в литературе о том, как работают средства массовой информации. Мало внимания уделялось этому вопросу и в переводческой литературе. Идея о переводе как передаче информации определенного «источника» в находящуюся от него «цель» (текст-источник и текст-цель) является более или менее общепринятой в литературе о переводе. Состоительность этой идеи, по мнению теоретика перевода Эндрю Честермана [Chesterman 1997: 151], должна быть, однако, пересмотрена. Анализ любого переводимого разговора, где «тексты» участников создавались спонтанно и совместно, четко показывает, что этот подход проблематичен (см. напр. [Wadensjö 1998a], [Wadensjö 1998b]). Тем не менее, анализ интервью, приведенного в этой статье, показывает, что «текст-источник» и «текст-цель» — сильные метафоры, при помощи которых люди привыкли думать как о письменном, так и об устном переводе. Последствия у этого, наверно, могут быть разные. Кажется, такое понимание перевода может переворачивать представления журналиста о том, как проводится журналистское интервью.

2. Необычное интервью

Шведское радио придерживается практики, при которой радиослушатели имеют возможность слышать речь на том языке, которая звучала в оригинальной версии. Как правило, редакторы приводят отрывки интервью на иностранном языке, вперемежку с переводом, который зачитывает журналист или актер. А когда программа Р1 Шведского радио транслировала интервью с Борисом Ельциным в марте 1990 года языковой вопрос был решен необычным способом. 35 минутное интервью транслировалось в прямом эфире с последовательным переводом на русский и шведский языки. Значит, радиослушатели могли слышать и вопросы, и ответы на обоих языках. За столом сидели: Борис Ельцин, журналисты Ларс Боргнес, который вел интервью, Томас Нурдегрен, который произнес вступительное слово перед интервью, а также переводчик Бенгт Эрикссон. Я слушала интервью по радио. В это время я работала переводчицей со шведского и русского языков и была под сильным впечатлением от профессионализма моего коллеги. Эрикссон переводил свободно и успевал передавать все, что говорили собеседники. Как на родном шведском, так и по-русски он говорил без акцента. Эрикссон был и до сих пор является признанным мастером перевода. Меня, однако, не оставляла мысль, что Ельцин на шведском звучал намного более «мягко», чем в русском оригинале. По-русски он выражался самоуверенно и даже иногда довольно вызывающе, в то время, как в шведском переводе звучал менее категорично. Для радиослушателей, которые понимали только по-шведски, Ельцин представлял как довольно скромный и рассудительный человек, в то время как для тех, кто понимал русский, — как типичный «меня не волнует твое мнение, я знаю о чём говорю».

2.1. Беседа, как совместная деятельность

Многочисленные исследования коммуникации между людьми (см. напр. [Linell 2011a]; [Linell 2011b]; [Linell 2011c]) показали, что восприятие субъектом самого себя создается в конкретном общении с другими. Идентитет отдельного индивида формируется в процессе совместной коммуникативной деятельности. Таким образом, в общении между людьми с участием переводчика переводчик влияет на образ, который создают собеседники друг у друга и у тех, кто имеет доступ к беседе.

Вклад переводчика в беседах между людьми, которые не могут говорить на одном и том же языке, можно назвать решающим. Своей деятельностью переводчик способствует тому, чтобы собеседники понимали друг друга. Кроме того, действия переводчика являются определяющими в сфере того, как участники беседы воспринимают друг друга и себя самих. С другой стороны, по имеющимся нормативным представлениям, выставляются требования к переводчикам, чтобы они действовали так, чтобы впечатления участников друг от друга не подвергались воздействию перевода. Профессиональные переводчики как правило следуют принципу, что переводчик должен стараться передавать как фактическую так и эмоциональную суть того, что говорится на языке, с которого переводят.

На самом деле, восприятие себя участником переведенного разговора создается на условиях, частично совпадающих с условиями обычной беседы. Люди используют, просто напросто, привычные для них рамки, когда истолковывают и осмысливают социальное общение. Рамки переводного общения будут, однако, частично различаться в разговоре, где двое из троих участников зависят от посредника, чтобы понять друг друга и организовать свое «нестандартизированное» общение. Понимание участниками специфики деятельности переводчика, частично определяет их понимание собственной ответственности за содержание и ход разговора.

3. Интервью

Я затранскрибировала все интервью, сравнила высказывания Ельцина с соответствующими аналогами, переведенными переводчиком, и обнаружила, что Ельцин высказывался более расплывчато, в то время как версия переводчика была более конкретной. В речи Ельцина было также мало *hedges* [Brown, Levinson 1978: 150] (по-шведски их часто называют *garderingar* [Norrby 2014: 224]), т. е. выражений типа «я предполагаю», «я думаю», по сравнению с большим количеством подобных конструкций в переведенных высказываниях. Обычно такие выражения используются для того, чтобы смягчить эффект высказываний, которые могут восприниматься как самоуверенные и направленные против личности собеседника. Различия в количестве высказываний типа «я предполагаю», «я думаю» могут частично объяснить, почему Ельцин звучал менее вызывающе по-шведски, чем по-русски.

Несколько исследований о переводных беседах (напр. [Berk-Seligson 1990: 131], [Wadensjö 1998a: 130–133]) показали, что переводчики имеют тенденцию сглаживать то, что они могут воспринимать как серьезную разницу в нормах и ценностях между собеседниками, по всей вероятности, для того, чтобы сохранить / поддержать благоприятную обстановку. Опосредованное обращение, которое достигается с помощью *gardering* может трактоваться как знак того, что переводчик, сознательно или бессознательно, берет ответственность за самооценку партнеров, с целью провести то, что по терминологии Гоффмана [Goffman 1981] называется *face-work* (*face* в этом случае часто переводится по-шведски как *självbild* [Norrby 2014: 214]).

Правда ли, что переводчик больше думал о том, как приспособить свой стиль речи к тем, к кому он обращался, чем к тому, от лица которого он говорил? Вопросы, которые задавали журналисты, были очень доброжелательными, совсем не вызывающими. Можно ли считать, что шведский перевод ответов Ельцина служит своего рода подтверждением основного тезиса теории *скопоса*? (*skopos* по-гречески — цель — см. [Vermeer 2000]). Я не хочу утверждать, будто Эриксон преднамеренно смягчал ответы Ельцина с целью создать видимость того, что участники находятся на одной волне и / или для того, чтобы сохранить позитивный настрой в разговоре. Вместо этого, я хочу указать, что существует вероятность того, что эти *garderingar* имели несколько потенциально специфических для перевода функций. Ниже я привожу отрывок из интервью, который может проиллюстрировать некоторые из них. В начале примера, Ельцин отвечает на вопрос журналиста о том, как он в другом, недавнем интервью сравнивал положение в стране с положением в Румынии. В примере показан курсивом мой обратный («буквальный») русский перевод шведских высказываний переводчика (строчки 8–16).

- 01 Ельцин: нет. но только опять же уточнение. я не говорил как
 02 в Румынии. я всё-таки считаю, что если даже э-э:::
 03 критическая масса недовольства народа возрастёт
 04 и он выйдет на улицу, то:::: хотелось бы чтобы
 05 весь этот процесс прошел в цивилизованных рамках,
 06 так как в ГДРе, в ГДР, в Чехословакии, или ::::
 07 Болгарии. но положение действительно, (.) сложное.
- 08 переводчик: ja jag vill inte säga att det är några överord, men
 да я не хочу сказать что это преувеличение, но
 09 jag vill precisera och säga att jag har inte sagt att e en
 я хочу уточнить и сказать что я не сказал, что
 10 e:h situation a- av typen e:: den som inträffade i
 э-э:: ситуация типа т- той, э-э:: что случилась в
 11 Rumänien hotar oss. men jag- utan jag hoppas att om
 Румыния угрожает нам. но я-я надеюсь что если

- 12 det kommer till oroligheter i landet så kommer den att
начнуться беспорядки в стране что они будут это
- 13 e:: kommer situationen att utvecklas i så'na civiliserade
э-э:: что ситуация разовьётся в таких цивилизованных
- 14 former som vi har sett prov på i e:: Östtyskland,
формах, примеры которых мы видели в э-э:: Восточной
Германии
- 15 Tjeckoslovakien och Bulgarien. men situationen är
Чехословакии и Болгарии. но ситуация
- 16 alltså e:: svår, och det är inga överord.
Однако э-э:: сложная, и это не преувеличение.

Обращает на себя внимание, что в переводе ответ Ельцина начинается более расплывчато, чем по-русски (сравните строчки 1–2 и 8–9). Начальная фраза, «да я не хочу сказать» может быть классифицирована как *gardering*. Здесь, как и практически в течение всего интервью, *garderingar* переводчика имели характер метакоммуникативных или мета-когнитивных выражений, типа «я думаю» или «я хотел бы сказать». Все, кроме одного такого выражения, появились в начале фразы, чаще всего в начале высказывания, сразу после слов Ельцина. Это указывает на то, что *garderingar* для переводчика могут функционировать как вид заполнения разговорного пространства, дающий возможность выиграть время, пока переводчик формулирует свое следующее высказывание. Во время интервью с Эриксоном, которое я провела спустя некоторое время после радиоинтервью, он подтвердил это предположение: «начинаешь с какой-то точки и продолжаешь, одновременно вспоминая то, о чем говорилось в оригинале». Использование переводчиком *gardering* для «старта» может быть истолковано, как способ обеспечения мысленного и разговорного пространства. Этот феномен может быть истолкован как пример того, что переводчик, чтобы вызвать доверие клиентов, демонстрируют свой профессионализм. И, наоборот, медленная реакция переводчика, может быть воспринята как неуверенность с его стороны. Начиная перевод сразу после того, как один из собеседников закончил говорить, переводчик показывает этим уверенность в себе. Парадоксально, но *gardering* и такой феномен, как фальстарт, используемые переводчиком для быстрого заполнения речевого пространства (напр. *Men jag- utan jag hoppas...* «но я- а я надеюсь...» стр. 11), также может дать противоположный эффект. Переводчик Эриксон, по всей вероятности, не имел целью представить Ельцина неуверенным в себе. Тот факт, что такое впечатление создалось, может быть результатом того, что определенный семантический ресурс может заключать в себе несколько разных функций одновременно.

Интересно также, что высказывания Ельцина о будущем в примере переведены с помощью семантических средств, благодаря которым создаётся впечатление объективного прогноза о далёком будущем (см. [Tchekalina 1997: 35]). Переводчик говорил: *så kommer situationen att*

utvecklas i såna civiliserade former... (в моем переводе: «что ситуация будет развиваться в таких цивилизованных формах...» стр. 12 и 13). Как показывает Е. М. Чекалина [Tchekalina, 1997], шведские варианты будущего времени содержат определенную информацию об отношении говорящего к сообщаемым фактам. Если бы переводчик здесь выражал будущее с помощью настоящего времени, что в принципе тоже возможно, он тем самым скорее способствовал бы созданию образа более субъективного, эмоционального Ельцина (сравните, Ельцин: «...хотелось бы, чтобы весь этот процесс прошёл в цивилизованных рамках...» стр. 4–5 и, напр.: *jag skulle vilja att vi får se en civiliserad utveckling...*).

3.1. Переводчик создает контекст

Конечно, потребность переводчика в мысленном пространстве не является единственным объяснением разницы между высказываниями Ельцина на русском языке и их шведскими соответствиями в представленном примере. Если сравнить, например, ельцинское начало фразы «нет, но только опять же уточнение, я не говорил как в Румынии» (стр. 1–2) с тем, как начинается перевод: *ja jag vill inte säga att det är nåra överord, men jag vill precisera och säga att jag har inte sagt att e en e::h situation a- av typen::: den som inträffade i Rumänien hotar oss.* (стр. 8–11) (в моем переводе: «да я не хочу сказать что это преувеличение, но я хочу уточнить и сказать что я не сказал что э-э:: ситуация типа т- той, э-э:: что случилась в Румынии угрожает нам»), то кажется, будто переводчик свободно ассоциирует и дополняет говорящего. Однако, если посмотреть на более длинный отрывок из радиоинтервью, складывается другое впечатление. Те части вступления (стр. 8) и конец (стр. 16) высказывания переводчика, которые не имели соответствующего аналога в оригинале, были ответом на то, как журналист закончил свой, предшествующий ответу, вопрос (в моем русском переводе): «Вы говорили, что терпение советского народа кончается [---], что возможна разрядка подобно той, которая произошла в Румынии, а это и вправду не преувеличение?». Анализ всего затранскрибированного интервью показал, что переводчик часто использовал раннее встречавшиеся в разговоре лингвистические ресурсы, прежде всего в переводе высказываний Ельцина на шведский язык. Таким образом, когда переводчик говорил от лица Ельцина, он имел возможность заимствовать лингвистический материал из вопросов журналистов или из своих собственных высказываний по-шведски. Эти слова и выражения могли передавать что-то «само собой разумеющееся», но не нуждались в аналогах из речи Ельцина. Высказывания переводчика облегчали, таким образом, как участникам интервью, так и радиослушателям, понимание связи между вопросами и ответами. Использование переводчиком только что прозвучавших лингвистических ресурсов могло также сыграть роль в том, что переводчик переведил тщательно и в то же время, создать впечатление, что участник интервью был внимательным собеседником. За счет вторичного использо-

вания лингвистического материала, переводчик создавал впечатление, что интервью проходило, как взаимосвязанное, спланированное, совместное действие. Этот вывод совпадает с ранее сделанными наблюдениями (напр. [Wadensjö 1998a]; [Wadensjö 1998b]; [Wadensjö 2000]; [Wadensjö 2015]) о координирующих действиях переводчиков, переведящих беседу. Переводчик, по необходимости, регулирует развитие разговора хотя бы тем, что влияет на структуру и очередность обмена репликами (см. напр. [Norrbys 2014] о структуре беседы). Переводчик своими переводами в принципе занимает примерно столько же речевого пространства, сколько собеседники, говорящие на разных языках. Беседа также может создать условия или принудить переводчика к координационным инициативам, как явным (напр. просьба повторить сказанное), так и неявным (по-английски *explicit and implicit coordination* [Wadensjö 1998a: 109–110], по-шведски *direkt och indirekt samordnande* [Wadensjö 1998b: 54]). Стремление переводчиков создать связный контекст имеет тенденцию усиливаться по мере того, как усилия, направленные для этой цели, не предпринимаются другими участниками беседы. В том случае, когда Ельцин и журналист не предпринимали усилий к тому, чтобы установить прямой контакт, это могло бы усилить позицию переводчика как посредника.

3.2. Ожидания и потребности

Спустя почти ровно 11 лет со дня радионтервью, в марте 2001 г., я дала Ларсу Боргнесу послушать мою копию интервью. Когда я попросила его прокомментировать то, что он услышал, он высказал некоторое разочарование по поводу того, что задал только один уточняющий вопрос, что дал возможность Ельцину беспрепятственно развить свою точку зрения на обстановку в Советском Союзе в форме, которую можно было бы назвать коммюнике. Он объяснял это тем, что переводное интервью приводит к недостаточно прямому контакту. «В обычном интервью можно нажать на собеседника, чтобы он дал более исчерпывающий ответ, задать дополнительные вопросы». «Интервью в переводе дает Ельцину более широкие возможности дать те ответы, которые он хочет и на этом остановиться». «Переводчик выступает как буфер по отношению к тому, кто дает интервью». Боргнес сравнивает здесь ситуацию с гипотетической, в которой он и его респондент говорили бы на одном языке. В марте 1990 г. такой альтернативы быть не могло. Помощь переводчика была необходима. Могло ли быть так, что более «мягкая» версия Ельцина в подаче Эрикссона (осознанная или неосознанная) повлияла на то, что участники задавали «мягкие» вопросы? Почти все затрагивали новые темы. Многие вопросы исходили из того, что Ельцин сказал ранее (в других интервью) или написал в своей книге. Эти вопросы можно было бы трактовать как предложение объяснить состоятельность сделанных ранее высказываний, как сомнение в достоверности этих заявлений. Ельцин трактовал их скорее как просьбу высказать экспертное мнение.

«Дипломатическое» поведение переводчика дало повод интерпретировать ответы Ельцина так, будто они больше соответствовали косвенной аганде репортеров. Конечно, мы не можем утверждать, что другая шведская версия Ельцина — без *garderingar*, с меньшим количеством уточнений, чем в оригинале, без вторичного использования некоторых слов и выражений, которые журналист, ведущий интервью, мог идентифицировать как свои собственные, и т. д., привела бы к другому, более жесткому стилю беседы. Но можно констатировать, что Боргнес получил подтверждение своим ожиданиям по поводу бесед через переводчика от переведенного интервью с Ельциным. Тот факт, что он не смотрел в глаза своему респонденту, он объяснил тем, что «в этом случае мы должны были полностью действовать через переводчика». Этот факт, похоже, трансформировал рамки толкования того, каким образом должно проходить интервью. Похоже, что сама ситуация подействовала на то, как он истолковывал дефицит обоюдного интереса и внимания между респондентом и им самим. То, что в обычных интервью могло бы восприниматься как провокация, было описано мне Боргнесом как позитив: «Ельцин — вне протокола, смешная вещь — у Ельцина была такая техника — у него была фантастическая работоспособность — после того, как он давал ответ и начинал говорить переводчик, а сам он в это время долго сидел молча, он отклонял голову назад и закрывал глаза. Он не спал, просто набирался сил, так как ему все равно нечего было делать, после того, как он, так сказать, отсыпал свой ответ переводчику». «Это совсем не выглядело нагло, а даже очень профессионально». Высказанное Боргнесом в интервью со мной отношение к тому, как говорить через переводчика, показывает правомерность метафоры: «язык источника — язык цели». Было ясно, что он не воспринимал Ельцина и себя самого как участников одного и того же интервью. Как Боргнес так и Ельцин скорее обращались к переводчику как к (специальному) собеседнику.

4. Вывод

Не требуется больших дополнительных усилий, чтобы понять, что тот довольно скромный образ, который Ельцин получил за счет шведского языка в обсуждаемом интервью, мог возникнуть благодаря тому, как переводчик решал свою задачу. Похоже, что роль переводчика как посредника Ельцина имела большое влияние на то, какой образ Ельцина создался и укрепился в интервью. Но было бы большим преувеличением проигнорировать тот факт, что отсутствие взаимного внимания между журналистом и Ельциным тоже влияла на работу переводчика. Образ Ельцина по-шведски можно понять скорее как результат коммуникативной ситуации в целом. Переводчику была дана и им была взята на себя большая ответственность за создание соответствия между вопросами репортера и ответами Ельцина, которые часто были очень пространными, в связи с чем внимание нерусскоязычных радиослушателей выключалось.

чалось на долгое время. Способ перевода, выбранный Эриксоном, помогал компенсировать ту брешь во времени, которая образовывалась между вопросами и ответами. Тот факт, что журналист Боргнес воспринимал переводчика как буфер, мог частично зависеть от того, что его ожидания по отношению к объекту интервью было в большой степени окрашено ситуацией, в которой интервью происходило. Действия журналиста и Ельцина можно, таким образом, истолковать как результат особенностей интервью через переводчика и того, как оно воспринималось участниками. Определенная ответственность за координацию очевидности в разговоре по необходимости возлагается на переводчика, когда речь идет об устном переводе диалога. Степень ответственности переводчика формируется в зависимости от понимания участниками того, как говорить через переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

- Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему.* Москва: РОССПЕН, 1990.
- Berk-Seligson S. The Bilingual Courtroom.* Chicago: The University of Chicago Press, 1990.
- Brown P., Levinson S. Universals in language use: Politeness phenomena // Goody E. (ed.). Questions of Politeness.* Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Chesterman A. Memes of Translation.* Amsterdam; New York: John Benjamins, 1997.
- Goffman E. Forms of Talk.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Linell P. Språkande: Samtal, språk och grammatik [Studies in Language and Culture (SLC) No 17]* Linköping: Institutionen för kultur och kommunikation, Linköpings universitet, 2011a.
- Linell P. Samtalskulturer: Kommunikativa verksamheter i samhället. [Studies in Language and Culture (SLC). No 18].* Linköping: Institutionen för kultur och kommunikation, Linköpings universitet. T. 1. 2011b; T. 2. 2011c.
- Norrby C. Samtalsanalys: Se gör vi när vi pratar med varandra.* Lund: Studentlitteratur, 2014.
- Tchekalina E. M. Temporalt och modalt perspektiv i svenska.* RASK. Internationalt tidsskrift for sprog og kommunikation. T. 5. 1997. S. 218–240.
- Vermeer H. J. Skopos and Commission in Translational Action // Venuti L. (ed.) The Translation Studies Reader.* London; New Yourk: Routledge, 2000. S. 221–232.
- Wadensjö C. Interpreting as Interaction.* London & New York: Longman. Language in Social Life Series, 1998a.
- Wadensjö C. Kontakt genom tolk.* Stockholm: Dialogos, 1998b.
- Wadensjö C. Co-constructing Yeltsin — Explorations of an Interpreter-Mediated Political Interview // Olohan M. (ed.). Intercultural Faultlines.* Manchester, UK: St. Jerome, 2000.
- Wadensjö C. Interpreter-mediated interaction // Verschueren J., Östman J.-O. (eds.). Handbook of Pragmatics Online.* Amsterdam: John Benjamins, 2015.

b ä Tä